

СОВРЕМЕННЫЙ ПОРТРЕТ ЧЕЛОВЕКА: БИОЛОГИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ

Юрий Гранин

Вызовы национальной идентичности в эпоху глобальных трансформаций

Термин «глобальные трансформации» введен в научный оборот Д.Хелдом и Д.Гольдблаттом. И, по сути, является синонимом более распространенного понятия «глобализация», подчеркивающим качественную неоднородность фиксируемых этой дефиницией совокупности процессов изменения пространственно-временных характеристик (увеличения скорости, масштабов, «уплотнения» либо «сжатия») и порядка («новый мировой порядок») экономических, политических, культурных и иных взаимодействий между народами и государствами¹. Начиная со второй половины XX в. эти взаимодействия обрели выраженный системный характер. Впрочем, это не отменило «финансово-экономической», «военно-политической» и «культурной» глобализации мира, которая, в свою очередь, вызвала «глобальный кризис» традиционных, прежде всего национальных, идентичностей. Почти повсюду, отмечает Самюэль Хаттингтон, «люди задаются вопросом, что у них общего с согражданами и чем они отличаются от прочих, пересматривают свои позиции, меняют точки зрения. Кто мы такие? Чему мы принадлежим? Японцы никак не могут решить, относятся ли они к Азии (вследствие географического положения островов, истории и культуры) или к западной цивилизации, с которой их связывают экономическое процветание, демократия и современный технический уровень. Иранцев нередко описывают как “народ в поисках идентичности”, теми же поисками увлечена

Южная Африка, а Китай “ведет борьбу за национальную идентичность” с Тайванем... В Сирии и в Бразилии налицо “кризис идентичности”»². Такой же кризис, продолжает автор, испытывают Алжир, Германия, Турция, Мексика, Великобритания. В итоге, делает вывод Хатингтон, почти повсеместно, не исключая США и России, идет процесс «фрагментации национальной идентичности», которой «пришлось уступить место идентичностям субнациональным, групповым и религиозным»³ вследствие открытости границ и роста миграционных потоков, способствовавших образованию в пределах национальных государств инокультурных диаспор, не желающих интегрироваться в национальную культуру.

Не оспаривая общего вывода об угрозах политического и культурного единства состоявшимся нациям, которые несет современная модернизация и глобализация, следует подчеркнуть, во-первых, что в большей степени эти угрозы опасны не США, а полиэтническим странам с исторически закрепленными территориями компактного проживания этносов, а во-вторых, национальная идентичность может утрачивать значимость, но вряд ли способна, как полагает Хатингтон, дробиться на составляющие. Каждый индивид является носителем комплекса многочисленных, иерархически связанных идентичностей, часть из которых актуализируется вместе с изменением географического, политического и социокультурного пространства его жизни⁴. Но поскольку процедуры индивидуальной идентификации осуществляются в чувственно-эмоциональной и когнитивной формах, включая в себя мысленное отнесение к «группе», содержание полученного в акте самосознания ответа на вопрос: «Кто Я (Мы)?» в полной мере зависит от ценностно-оценочных представлений и знаний о «Них». В конечном счете, идентичности представляют собой индивидуальные и групповые конструкты как вербализованные результаты отнесения к «воображенным общностям» (Б.Андерсон), определяемые, в свою очередь, предшествующим воспитанием, образовательным и культурным «багажом» и наличествующим в данный момент «окружением»: политическими ландшафтами, информационными и культурными «пространствами», в которые индивиды и группы вынужденно помещены и в которых они су-

шествуют. Поэтому главные угрозы национальной идентичности в эпоху глобальных трансформаций исходят не только от потока инокультурных мигрантов, этнокультурного и политического сепаратизма. В современном мире интеллектуальные, политические и культурные вызовы национальной идентичности идут от целенаправленно развивающегося глобального экономического, политического и информационно-культурного (символического) «насилия», властно формирующего «новые» — транснациональные (культурные и политические) идентичности и реанимирующего «старые» архаичные (субнациональные, мифопоэтические, религиозные) идентификации, сочетания которых в индивидах и группах весьма причудливы, экзотичны и разнообразны, в той мере, в какой разнообразны экономические, политические и культурные параметры жизни государств и народов, включенных в глобализацию — всемирно-исторический процесс, содержание которого требует концептуальных уточнений.

* * *

Несмотря на то, что термин «глобализация» стал систематически использоваться лишь с конца 1980-х гг., уже спустя десятилетие И.Бартелсоном был отмечен парадокс: хотя никому не понятно, что собой представляет глобализация, никто не сомневается в её реальности⁵. По существу, каждый автор вкладывает в него собственный смысл⁶, содержание которого, добавим, варьируется в зависимости от идеологических предпочтений и дисциплинарной принадлежности исследователя. С тех пор ситуация принципиально не изменилась. Сейчас в научном сообществе сосуществуют, конкурируя между собой, «универсально-эволюционистский», «синергетический», «мир-системный», «социокультурный», «социоэкономический» (формационный), «техницистский», «модернистский», «геоэкономический» и ряд других междисциплинарных подходов к изучению глобализации, каждый из которых опирается на различные концептуализации существенных характеристик и движущих сил истории человечества⁷. Во многих работах эти подхо-

ды совмещаются или пересекаются, увеличивая онтологическое разнообразие и методологический плюрализм совокупного научно-рационального дискурса о глобализации, создавая барьеры «непонимания» между исследователями. Преодолеть их, по мнению автора, можно за счет выхода в трансдисциплинарную область исследований — сферу классической социальной философии и, шире, философии истории⁸. Интерпретирующих социальную историю вида *Homo sapiens* не как поле действия неких безличных «сил» или «систем», а как процесс, реализующийся в социально и культурно оформленной совместной (предметно-практической и духовной) целеполагающей деятельности сплоченных в группы и общества людей, целостность и единство которого обеспечивается «вплетенным» в него сознанием.

Это означает недопустимость изучения глобализации вне связи с эволюцией интересов (потребностей), мировоззрений и форм сознания взаимодействующих пространственно локализованных коллективных субъектов истории, подвергающихся в процессе миграций, торговых, финансово-экономических, военно-политических и духовно-культурных взаимодействий разнообразным трансформациям и поглощениям, в ходе которых образуются новые, численно и пространственно более крупные социальные, политические и социокультурные антропосоциальные целостности: объективно и субъективно-символически интегрированные в «общества» (социумы), «государства» и «цивилизации» объединения индивидов. Известная нам история — нелинейный процесс обуславливающих друг друга тенденций дифференциации и интеграции образующих человечество антропосоциальных целостностей, его (человечества) структурного усложнения и, одновременно, становления его целостности и единства.

Следовательно, глобализация может быть интерпретирована как *мегатенденция к поэтапному объединению цивилизационно, экономически, культурно, политически и иначе разделенного человечества в потенциально возможную глобальную (планетарную) общность*⁹, воплощенная в диалектике пространственно-временных перемещений, взаимодействий и трансформаций исторически конкретных антропосоциальных (т.е. культурно, поли-

тически и экономически связанных) целостностей. В этом случае «глобализация» не редуцируется к ее географическому аспекту: отмечаемому многими исследователями пространственному распространению людей, артефактов, символов и информации за пределы регионов и континентов посредством установления транспортных, торговых и иных коммуникаций, а, включая его, понимается как сопутствующая этому процессу и детерминирующая его *предметно-практическая и духовная организация/реорганизация внешнего и внутреннего социального (экономического, политического и иного) пространства совместной жизни интегрированных и интегрирующихся в социумы («роды», «племена», «этносы», «нации»), государства и цивилизации индивидов,* сопровождавшаяся, невзирая на постоянную борьбу за ресурсы, выработкой глобализирующих мир и человечество философских и религиозных представлений, установлением трансисторических («всеобщих») экономических, политических и правовых норм и институтов совместной жизни. Формирование, трансформация и географическое распространение социальных общностей имманентно глобализации человечества, выражая субъектную составляющую этого процесса.

В качестве мегатенденции к поэтапному объединению человечества глобализация реализуется по всему спектру отношений и взаимодействий между интегрированными и интегрирующимися в социокультурно, экономически и политически различные антропологические целостности индивидами. Поэтому ее можно рассматривать и как *совокупность процессов* «экономической» (торговой, финансовой, производственной и др.), «политической» (военной и дипломатической) и/или «культурной» (религиозной, идеологической, научно-технической и др.) глобализации, осуществлявшихся с разной скоростью, последовательностью и успехом в разных местах и разные исторические эпохи. Важно не забывать и постоянно иметь в виду взаимосвязь, пространственно-временную динамику и незавершенность этих процессов. В длительной исторической ретроспективе глобализация всегда выступала и как последовательность сменяющих друг друга стадий, и как совокупность сосуществующих и сменяющих друг друга исторических форм.

Стадиям глобализации как всемирно-исторического процесса соответствуют преобладающие в тот или иной период времени формы антропосоциальных целостностей, существование и доминирование которых, в первую очередь, обусловлено изменениями в способах и характере общественного производства материальных и духовных ценностей, уровня его технико-технологического развития. Поэтому «предысторию» глобализации можно датировать началом перехода от присваивающего к производящему хозяйству, начало ее первой стадии – Осевым временем, начало второй – ранним Новым временем, начало третьей – серединой 1970-х гг. Каждая из этих стадий характеризуется наличием однотипных, но содержательно не тождественных – финансово-экономических, военно-административных и социокультурных – процессов интеграции лингвистически, конфессионально и культурно разных людей в новые, пространственно и численно более обширные социальные целостности и реорганизации внешней для них социальной среды (пространства) совместного с другими сосуществования. Различие стадий заключается в значимости и порядке действия каждого из выделенных в отдельный процесс механизмов социальной интеграции и трансформации пространства совместной жизни.

Реконструированная таким образом «историческая логика» развития глобализации человечества хорошо согласуется со всеми основными социологическими парадигмами и выстроенными в соответствии с ними периодизациями истории¹⁰. Вместе с тем понятие «стадия» основывается на представлении о линейном характере процесса глобализации, действительность которого, как уже отмечалось, характеризуется нелинейным характером сосуществования и смены ее исторических форм, источником образования которых обычно оказывалась пространственная и сопутствующая ей политическая, экономическая и культурная экспансия выходящих на авансцену региональной истории социумов, а содержанием – исчезновение, поглощение и/или трансформация сталкивающихся антропосоциальных целостностей в территориально и численно более обширные интегративные образования, изменение географического масштаба и инфраструктуры взаимодействий между

ними и формирование всякий раз иначе организованного, но постоянно расширяющегося, внешнего (международного) и внутреннего (государственного) социального пространства совместной жизни народов на основе той или иной цивилизационной модели развития¹¹. История человечества никогда не была «улицей с односторонним движением», неизбежно ведущим к его объединению на основе какого-то одного типа экономического, социокультурного и политического развития. Соответственно и *глобализация как одна из ее тенденций была (и остается) результирующей многих попыток организации общего пространства совместной жизни народов и государств на основе разных цивилизационных моделей развития*. Итогом таких попыток оказывалось временное доминирование и распространение в пределах нескольких географических регионов одной из локальных цивилизаций, политической формой существования которых в большинстве случаев была «империя», оказывавшаяся на каждой из выделенных стадий глобализации мощнейшим политическим средством «переплавки» и ускорения процесса интеграции лингвистически, религиозно и культурно различных элит и населения имперских территорий. Так, параллельно и сменяя друг друга в качестве «лидеров», на просторах Евразии формировались и развивались «китайская», «индийская», «эллинско-македонская», «римская», «арабо-мусульманская», «западноевропейская» и «евро-атлантическая» формы и векторы глобализации, соответствующие им «полюсы» регионального и межрегионального развития.

Ни одна из исторических попыток глобализации человечества не увенчалась полным триумфом. Но каждая способствовала экономическим, политическим и культурным трансформациям населяющих регионы социумов, увеличивала число и протяженность транспортных, торгово-экономических, политических и информационно-культурных «сетей» и коммуникаций, содействовала переносу за пределы локальных территорий, регионов и континентов произведений литературы и искусства, техники и технологий, религиозных и светских идеологий, научных знаний и типов рациональности, норм и образцов экономической, политической и социальной жизни, распространению знаний и артефактов. Наиболее масштабной

и успешной была выросшая из западноевропейской евро-атлантическая форма глобализации, завершившая процесс становления всемирной истории: *превращения локальных историй* первобытных и постпервобытных (кочевых и аграрно-ремесленных) обществ, политически оформленных в ранние государства и их аналоги¹², *в региональную историю* древних и средневековых этнических государств и империй, *а затем — и во всемирную историю* наций, национальных государств и образованных ими колониальных империй, связавших человечество не только силою государственных форм территориального контроля, но и создавшими новые «анонимные» системы власти: транснациональные организации и многонациональные корпорации.

Следует иметь в виду, что становление и развитие евро-атлантической формы глобализации было связано не только с появлением и распространением в пределах и за пределами Европы в XVII—XIX столетиях новых форм и институтов экономического развития, способствовавших становлению принципиально иного — индустриального — типа хозяйства, но и с формированием и распространением новых политических форм общежития и новых социальных общностей: «национальных государств» и «наций». По сути, она представляла собой «модернистский проект» — была органически связана с идеалами Просвещения, гарантирующих оптимальное — национальное — устройство пространства совместной жизни лингвистически, конфессионально и культурно разных народов в Европе и за ее пределами не на основе традиций, а на основе рационально сформированных общей «памяти», общих «ценностей» и общей «судьбы». Однако проект модернизма, с характерным для него обожествлением и верой во всемогущество человеческого разума, уже в конце XIX в. был сначала подточен нищезанством, подорван двумя мировыми войнами, тоталитаризмом и структурализмом в первой половине XX в. и почти совсем разрушен во второй половине XX столетия культурным и философским постмодернизмом.

Постмодернизм бросил интеллектуальный вызов не только национальной идентичности и национальным формам общности. Под сомнение были поставлены интеллектуальные и культурные скрепы всей претендующей на глобальное господство евро-атлантической цивилизации: классическая наука, с ее пафосом рационального познания мира и презрением к религиозным догмам и суевериям, и культура модерна, с ее вниманием к общечеловеческим ценностям и классическим образцам. В социальных науках упор был сделан на отказ от парадигмальных образцов естествознания, логоцентризм и равноправность дискурсов любого рода, а в культуре — на ее плюрализацию, виртуализацию и визуализацию. Модернистской установке на искусственную гомогенизацию, «выравнивание» социокультурного пространства постмодерн противопоставляет якобы естественную плюральность последнего: растущее множество отдельных и вполне конкурентоспособных образований — «картин мира», идеологий, мировоззрений, научных парадигм, политических, экономических и культурных практик, образов жизни и т.п.¹³.

В результате использования характерных для постмодернизма интеллектуальных стратегий децентрации¹⁴ и деконструкции¹⁵ разрушению подвергается выстроенное наукой в эпоху модерна западоцентричное (евро-атлантическое) представление о характере становления и эволюции всемирной истории: ее разделение на политически, экономически и культурно «развитый» Центр (Запад) и «догоняющие» его «периферию» и «полупериферию». В исторических и социальных науках появилось, преимущественно связанное с именами работающих в Европе, Японии и США ученых — выходцев с арабского Востока, Индии и Латинской Америки¹⁶, мощное интеллектуальное направление «реориентализма», объявившее о необходимости выхода за пределы абстрактного универсализма и «логики евро-атлантической модерности», отмеченной колониализмом и имперским различием, в пространство «глобальной истории», «контр»- и «транс»- модерности. Позволяющее создавать не менее эффективные, чем евро-атлантические, «эпистемы» анализа, теорети-

ческие проекты и модели развития, ведущие, как считают, постепенно к созданию иной – нерепрессивной по отношению к «отставшим» народам – глобализации.

Не вдаваясь в нюансы научных споров ориенталистов и реориенталистов¹⁷, любопытно отметить, что последние тяготеют к идее «критического космополитизма», якобы преодолевающего «культурный империализм» современной – евро-атлантической – формы глобализации, историческими субъектами которой, как уже отмечалось, выступали и выступают ведущие национальные государства Запада и созданные при их покровительстве и поддержке крупнейшие ТНК. Поэтому в их работах «нации» и «национальные государства» объявляются устаревшими формами общежития. И в таковой оценке с ними солидарны, объявляющие «нации» и «национализм» фиктивными теоретическими конструкциями Р.Брубейкер, Э.Гидденс, К.Вердери и другие представители европейского «конструктивизма», неолиберальные политики и экономисты (К.Омаэ, Дж.Сорос, Зб.Бжезинский), многочисленные политологи и некоторые известные мыслители. Все вместе они доказывают, что национальная идентичность исчерпала свой исторический ресурс и выстраивают «безнациональные» политические проекты грядущего «сетевого общества» (М.Кастельс), «мирового государства» (Т.Левит), «континентальных федераций» (А.Г.Дугин), «глобального гражданского общества» (Д.Дарендорф, Э.Гидденс), «глобального гражданства» (Ю.Хабермас, М.Эван), «общества множеств – рес-коммуны» (А.Негри, М.Хардт) или возглавляемой США «глобальной демократической империи» (Н.Фергюссон, П.Гречко).

В этом споре все точки над «і», конечно, расставит будущее. Но интеллектуальные вызовы национальной идентичности, о которых шла речь, в превращенной форме фиксируют некоторые объективные тенденции современной глобализации, связанные с формированием массовой мультикультурной среды существования, появление и распространение которой вызвано действием институтов неолиберальной глобальной экономики и распространением информационных технологий, связавших человечество анонимными системами власти. Этот вопрос заслуживает отдельного обсуждения.

Социокультурная интеграция при воздействии государственных структур всегда сопровождала глобализационные процессы. Но сегодня «символическое насилие» получило новый импульс, более того, стало чем-то естественным, перешло на уровень фона, социальной атмосферы. Добиваться экономических успехов, воздействуя на сознание, оказалось эффективнее, чем трансформировать физический материал. Здесь и таются социокультурные угрозы национальному государству как политической форме евро-атлантической цивилизации. Формирование идентичности ускользают из его рук. Интеграционные процессы по формированию глобальных транснациональных идентичностей идут в массовом сознании как через воздействие «информационного империализма», так уже и через самоорганизацию. А со стихийной перестройкой сознания совладать весьма сложно. Этос эффективности, погони за успехом, престижем трансформирует наличные идентичности, «сегрегирует» их по выражению З.Баумана¹⁸. Эталоном здесь выступает транснациональная идентичность глобальной буржуазии, которую тот же З.Бауман назвал космополитизмом «туриста». В результате социокультурное развитие человечества сегодня идёт как противостояние транскультурной идентичности и идентичностей этнокультурных и гражданских, имеющих привязку к национальному государству¹⁹.

Каковы перспективы этого противостояния? «Нивелляторский» потенциал транснациональной и транскультурной идентичности невелик. Присущие этой идентичности меркантильность, стандартизация и общекультурная ограниченность не создают необходимого поля притяжения, которым в своё время обладали общенациональные идентичности национальных государств по отношению к этнолокальным идентичностям. Имперская мифология США, которые мифологизируют и свою реальную историю, но ещё более конструируют истории вымышленные, интегратор низкого потенциала в силу своей примитивности. А главное — вторичности: Голливуд с назойливостью творит имперский миф из заимствованных культурных образцов²⁰. Для истинной империи, даже для национального госу-

дарства, воздействующего на окраины, это не характерно. Они всегда были оригинальны в социокультурном отношении — это залог успеха. Отсутствием оригинальности объясняются такие черты голливудской мифологии, как агрессивность и перемещение событий в некую сверхреальность.

В этих условиях национальные культуры по-прежнему остаются мощным фактором мирового развития. Это не просто мультикультурализм, а позитивное многообразие. И здесь велико значение национального государства, которое должно, как пишет А.А.Галкин, «не только оборонять свою идентичность от культурной и псевдокультурной экспансии, но и способствовать реализации объективно возрастающего стремления народов к сохранению своеобразия и самобытности»²¹. Примером позитивного сохранения культурной идентичности в условиях давления космополитической культуры является, благодаря помощи своего национального государства, французская культура. Национальным государствам, если они ответственно подходят к вопросам идентичности, необходимо осуществлять контроль за информационными потоками. В каком-то смысле этот контроль является защитой демократии. Н.Стивенсон совершенно справедливо пишет, что работа правительства, направленная на укрепление у населения чувства единой судьбы и культуры, является одной из центральных задач²². Отсюда важность культурной политики национального государства, по крайней мере в отношении элитных образцов, символов национальной культуры. Зрелые национально-культурные идентичности приобретают непреходящую ценность в глобальном мире.

Перспективы социокультурного развития в условиях глобализации зависят от того, готова ли евро-атлантическая цивилизация к реальному межкультурному диалогу. Такой диалог в глобализующемся мире становится императивной необходимостью. Следует согласиться с Ю.Хабермасом в том, что поддержание национального в глобальной культуре имеет сегодня не угасающее, а, напротив, усиливающееся значение²³. Рыночные формы общезнания далеко не всегда способствуют продуктивному диалогу культур. В этих условиях нация-государство выполняет гуманистическую функцию сохранения социокультурной исторической памяти и социального пространства, где

эта память «обитает» и воспроизводится в новых поколениях. Противоречивой формой взаимодействия национального и наднационального является формирование «европейской идентичности» в ходе реализации проекта единой Европы. Пока в целом это позитивный пример подобного взаимодействия.

Более глобальные формы идентичности пока что проблематичны. Хотя в литературе активно обсуждается идущая ещё от Канта идея «глобального гражданства». Особенно активно эту идею сегодня обосновывает Ю.Хабермас, исходя из своего чисто гражданско-правового понимания нации²⁴. М.Эван считает, что глобальное гражданство возможно по принципу автоматического его получения вместе с получением гражданства страны-члена ООН или же в форме индивидуального членства в ООН²⁵. В отечественной литературе тезис о возможности глобального гражданства обосновывает М.В.Ильин, утверждая, что перемещения по миру должны быть урегулированы таким образом, чтобы комплекс прав и обязанностей индивида мог реализовываться независимо от его места пребывания, а гражданин мирового сообщества мог бы свободно осуществлять выбор этого самого места. Нам ближе позиция Б.Межуева и С.Градиловского, которые настаивают на утопичности конструкции глобального гражданства. Реальная перспектива глобализации должна быть связана скорее со сложным взаимодействием наднационального, национального и локального уровней. Любая попытка реализации принципа глобального гражданства может привести к непредсказуемым последствиям. По мнению Р.Харви, многие существующие национальные государства – это псевдоимперии. В том же смысле высказывается и Б.Нитшман, указывающий, что «большинство государств представляют собой не что иное, как непрочные, централизованные и экспансионистские империи, навязанные национальностям вопреки их воле и сохраняющие целостность лишь благодаря законам, силе и патриотическим символам»²⁶.

Сегодня в условиях отсутствия блокового контроля многие этносы стремятся к независимости. История учит, что это обратимый процесс. И его приостановка предохранит от многих социальных издержек. Провоцировать на сепаратизм с помощью призрака глобального гражданства в условиях нестабиль-

ного мира крайне нежелательно. Если не все национальные государства перешли из состояния формального в реальное, то предпочтительнее предоставить им время и возможность для этого. Можно, конечно, пытаться «вырваться из западни национального», как это предлагает, например, У.Бэк, и, «преодолевая националистический фанатизм», создавать «сугубо конституционным, правовым путём» «наднациональные идентичность, культуру и государственные структуры». Но вряд ли «обретение национальными государствами космополитического характера» станет «ответом на вызовы глобализации»²⁷. «Сугубо правовой» подход к проблеме не учитывает общей логики глобализационного процесса: перехода от политической к социокультурной интеграции человечества, способной реализоваться лишь во взаимном диалоге культур и цивилизаций. Но перспективы и формы такого диалога еще не ясны.

Пока символическому насилию евро-атлантической формы глобализации наиболее успешно противостоит «китайско-конфуцианская» цивилизация, хорошо сочетающая традицию и современность²⁸ в горизонте сохранения национальной идентичности. Метанарратив, который окончательно примиряет традицию и западную «современность» в данном культурном ареале, — «это, безусловно, *идея национального успеха* — не марксизм-маоизм и не либеральная демократия, а именно такая специфичная форма национализма послужила залогом того, что традиционные и современные институты достаточно гармонично работают в одном направлении»²⁹. На этом фоне перспективы России как особой локальной цивилизации, так и не решившей спор «западников» и «славянофилов», но фактически отказавшейся от поиска собственной национальной идеи, совсем не радужны. Евро-атлантические ценности и институты в массовом сознании остаются чем-то необязательным и условным, а собственные традиции в ряде случаев сведены к этнографически-рудиментарному состоянию. В настоящее время они реально объединены по принципу «абсурдной дополнительнойности», а не в рамках долговременного проекта строительства национального государства, об отсутствии которого приходится только сожалеть. Если массовая культура современной Японии представляет собой «кентаврическое образование», в котором западные и национальные ценности соединены на ос-

нове общественного консенсуса, то в России такое согласие отсутствует не только в обществе, но и в политическом классе. В итоге символическая система общества — общества с размытой национальной идентичностью — оказывается уязвимой в настоящих и грядущих культурных сражениях стремительно глоболизирующегося мира. Главное, что вызывает тревогу — это то, «что российская культура-цивилизация вступает в эти сражения, по сути, символически обезоруженной, с “голыми руками” и в своей деконструированной беззащитной “телесности”» (А.С.Панарин). Шансы такого символически «разоблаченного» общества «перед вызовами чужих и агрессивных символических систем выглядят достаточно проблематичными»³⁰.

Примечания

- ¹ Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрею Э., Пerratон Дж. Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура. М., 2004. С. 19.
- ² Хатингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004. С. 34–35.
- ³ Там же. С. 36.
- ⁴ В специальной литературе существует множество типологий и классификаций идентичности. Их подразделяют на «индивидуальные» и «групповые», «позитивные» и «негативные», «локальные» и «надлокальные», «фундаментальные» и «релятивные». Самыми фундаментальными признаются расовые, этнические, национальные и цивилизационные идентичности, связанные с антропологическими, языковыми, культурными и религиозными различиями людей.
- ⁵ Глобализация и столкновение идентичностей. М., 2003. С. 189.
- ⁶ Marshall D. Understanding late-twentieth-century capitalism: Reassessing the globalization theme // Government and opposition. L., 1996. Vol. 31. № 2. P. 214–215.
- ⁷ Подробнее см.: Гранин Ю.Д. «Глобализация» или «вестернизация»? // Вопр. философии. 2008. № 2. С. 4.
- ⁸ Теоретические представления которых о сущностных характеристиках истории человечества являются базовыми, образуя метафизические основания дисциплинарных и междисциплинарных социальных, исторических и гуманитарных исследований.
- ⁹ Иначе — в «глобальную всечеловеческую целостность» (См.: Мотрошилова Н.В. Идеи единой Европы: философские традиции и современность. Ч. 1 // Вопр. философии. 2004. № 11. С. 5).

- ¹⁰ Так, например, выделенные автором стадии глобализации соответствуют известным триадам «аграрное – индустриальное – постиндустриальное (информационное) общество», «традиционное общество – модерн – постмодерн», «рабовладение/феодализм – классический капитализм – постиндустриализм» или, допустим, «аграрная – техногенная – посттехногенная (информационная) цивилизации».
- ¹¹ В данном случае под «цивилизационной моделью» понимаются формы и институты политического, экономического, социального и культурно-духовного развития, самостоятельно выработанные народами (группой народов), заимствованные ими или навязанные им в процессе колонизаций и завоеваний.
- ¹² Подробнее см.: *Гринин Л.Е.* Аналоги раннего государства: альтернативные пути эволюции // *Личность. Культура. Общество.* 2007. Вып. 1(34). С. 149–169.
- ¹³ Тем самым в культурное пространство современного Запада возвращаются, казалось бы, давно вытесненные из него архаичные дискурсы и практики: мифы, древние формы религиозных культов, алхимия, астрология, магия. Растет интерес к противопоставляемой национальной расовой и этнической реальности, маргинальным объектам и ситуациям – языку, фольклору, быту, традициям и обычаям, «безумию», «порнографии», «однополым бракам» и «сексуальному насилию».
- ¹⁴ Отказа от поиска центральных элементов в тех или иных знаково-символических комбинаций и конструирования новых комбинаций без опоры на какие-либо «центры» или «ядра».
- ¹⁵ Образованный из двух слов «деструкция» и «конструкция», введенный Ж.Деррида термин «деконструкция» подразумевает «разборку» присутствующих в культуре старых смысловых образований и «сборку» полученных элементов в новых комбинациях.
- ¹⁶ Хоми Бабу, Энрике Дусселя, Эдварда Д., Саида, Э.Глиссана, А.Катиби, А.Кихано, В.Миньоло и др.
- ¹⁷ Персонифицирующих своими работами «незападный» вариант деконструкции идеологемы модернизма: из пространства пограничья между западной модерностью и незападными формами знания, мышления и восприятия.
- ¹⁸ *Бауман З.* Глобализация: последствия для человека и общества. М., 2004. С. 101.
- ¹⁹ *Журавский А.В., Садов О.В., Фетисов А.В.* Субъекты миропорядка XXI в. // Глобализация и столкновение идентичностей. М., 2003. С. 77.
- ²⁰ См.: *Sardar Z., Davis M.* Why Do People Hate America? Cambridge, 2002. P. 141; *Пономарёва Д.* Киноимперскость // *Полит. журн.* 2005. № 24.
- ²¹ *Галкин А.А.* Национальное государство в изменившихся условиях // *Транснациональные процессы: XXI в.* М., 2004. С. 18.
- ²² *Stevenson N.* Globalization, national cultures and cultural citizenship // *Sociol. quart.* Berkeley (Cal.), 1997. Vol. 38. № 1.

- ²³ См.: *Хабермас Ю.* Политические работы. М., 2005.
- ²⁴ См.: *Хабермас Ю.* Вовлечение Другого. СПб, 2001.
- ²⁵ *Evan W.M.* Identification with the human species: A challenge for the twenty-first century // Human relations. N.Y.; L., 1997. Vol. 50. № 8.
- ²⁶ *Neitschmann B.* The fourth world: Nations versus states // Reordering the world: Geopolitical perspectives on the twenty-first century. Boulder, 1994. P. 238.
- ²⁷ *Бэк У.* Трансформация политики и государства в эпоху глобализации // Свободная мысль. 2004. № 7. С. 56.
- ²⁸ Под лозунгом «японский (китайский, корейский) дух — западные знания».
- ²⁹ *Кармадонов О.А.* Эффект отсутствия: культурно-цивилизационная специфика // Вопр. философии. 2008. № 2. С. 38.
- ³⁰ Там же. С. 39.